

Петр Немировский

ДВОЕ

Рассказ

1

Несмотря на раннее утро, солнце уже пригревало. Яков Петрович и Лидия Адамовна шли к станции метро. Яков Петрович, любитель быстрой ходьбы, вынужден был подстраиваться под супругу и замедлял шаг – у Лидии Адамовны больные ноги. В руках у него – лопата и сумка, Лидия Адамовна тоже несла сумку.

– Хорошая погода сегодня, слава Богу, нет дождя, – сказала она и, тяжело вздохнув, добавила: – Жаль, что нет детей с нами. Надо будет им обязательно написать, что мы сегодня были на кладбище.

– Напишем, – буркнул он.

– Хватит злиться. Они ни в чем не виноваты.

Яков Петрович и Лидия Адамовна остались одни – дети жили от них далеко.

Вначале в Америку с мужем и дочкой уехала дочь Света. Звонила, писала родителям письма, подбадривала, уверяла, что скоро заберет их к себе. Родители первое время надеялись, но по различным причинам отъезд откладывался. То возникла какая-то неразбериха в Вашингтонском иммиграционном центре; то вдруг обнаружилось, что не хватает некоторых важных справок, а оформлять эти бумаги у дочери пока нет времени, то еще что-то. Постепенно родители смирились с мыслью, что в ближайшее время в Америку не попадут. Догадывались, что Света уже и сама не очень-то хочет, чтобы они приехали. Переписывались, звонили друг другу, но речь об отъезде заводили все реже. Дочка иногда присылала доллары и посылки с вещами, а внучка – нарисованные ею картинки: «лес», «море»,

«птица», и в подписях к картинкам все чаще встречались английские буквы.

Потом в Голландию уехал сын Вадим. Он был отличным программистом и, подписав контракт с голландской фирмой, отправился на два года в Амстердам. Контракт продлили, Вадим остался еще на год, потом еще. Вдруг родители получили конверт, в котором лежала цветная фотография – Вадим стоял в обнимку с молодой женой. Писал, что Гретхен – замечательная девушка, работает в престижной фирме по выращиванию тюльпанов. Они планируют купить свой дом и... ждут ребенка – Гретхен на четвертом месяце беременности. Обещал приехать в гости, уладив прежде кое-какие дела. Может, приедут вместе – Гретхен давно хотела побывать в России.

Родители отправили молодым поздравление.

В гости, тем более с молодой женой, Вадим не приехал. Зато прислал фотографию новорожденного сына. Позвонил, сказал, что счастлив, что очень занят.

Так и случилось, что на старости лет Яков Петрович и Лидия Адамовна остались одни. Когда в душе вскипала досада, он говорил, что хорошие дети так не поступают: «Мы их растили, воспитывали, а они... Эгоисты, что сказать!» Лидия Адамовна шикала на мужа: «Это ты – эгоист, переживаешь только за себя. Думаешь, им там легко?» По ночам она частенько плакала, особенно после телефонных разговоров с детьми. Он же, зная, какая рана на сердце у жены, злился на детей еще больше...

Спустившись в метро, прошли через турникеты. У эскалатора он остановился, подождал жену: сама она побаивается стать на

движущиеся ступеньки, потому что страдает близорукостью, а очки ей подобрать никак не могут.

Подъехал поезд.

– Яша, не забудь лопату. Если потеряем, соседка будет ругаться. Ты же ее знаешь.

2

Пока ехали в поезде, он порою вздыхал и цокал языком. По всему было видно, что переживает, вспоминает что-то. Ах, как досадно... А вспоминал он своего двоюродного брата Григория, который умер восемь месяцев назад, – сгорел от водки.

Григорий когда-то работал фрезеровщиком на том же заводе, что и Яков Петрович. Дважды неудачно женился, дважды развелся. Третья жена работала ювелиром, имела связи. Настояла, чтобы Григорий ушел с завода, и пристроила мужа в какую-то коммерческую фирму. Купили новую квартиру, роскошно ее обставили. Поездки на моря, курорты, рестораны. Рос сын. Все бы хорошо, да была одна трещинка – Григорий крепко любил прикладываться к бутылке.

С двоюродным братом и его женой Григорий виделся редко. Это и понятно: зачем иметь дело с такими людьми, как Яков Петрович и Лидия Адамовна? Что с них возьмешь? Яков Петрович работал до пенсии на заводе кладовщиком, Лидия Адамовна в прошлом – самая заурядная няня в детском саду. Люди они маленькие, простецкие, как говорится, ни то ни сё.

Но случилось так, что жена Григория скоропостижно скончалась, как свидетельствовало заключение медэкспертизы, – от рака. Хотя на

похоронах слышался шепоток: дескать, никакого рака не было, она отравилась, не в силах больше мучиться с мужем-пропойцей. Как бы то ни было, ее похоронили, и Григорий остался с пятнадцатилетним сыном. Запил сильнее прежнего и вскоре превратился в законченного алкоголика. Сын же его связался со шпаной, начал потихоньку таскать из дома все нажитое родителями.

Узнав, что с Григорием беда, Яков Петрович поспешил к брату. Долго топтался у дверей, наконец, позвонил. Вошел – и застыл, пораженный: Григорий, мертвецки пьяный, валялся на полу, а его сын резался с друзьями в карты. Шкафы и сервант – нараспашку, ящики выдвинуты, словом, кавардак. Яков Петрович набрался духу и в каком-то истерическом негодовании прогнал шпану. Вызвал брату «скорую».

Вернувшись из нарколечебницы, Григорий некоторое время продержался. Но в годовщину смерти жены пригубил рюмку и... снова запил.

Яков Петрович ухаживал за братом, который, кстати сказать, нередко выгонял «опекуна», когда тот отказывался принести ему водку. Обижался, уходил, давая себе слово больше не возвращаться в тот дом. Но через несколько дней снова появлялся.

А Григорию становилось все хуже, приезжала одна «скорая» за другой, ставили капельницы, делали уколы. Сын тем временем продавал и проигрывал в карты то, что не успел пропить отец. Пропали и мебель, и шубы, и хрусталь. В конце октября Григорий, посеревший и распухший от цирроза печени, умер. Его кремировали, урну с прахом Яков Петрович забрал домой.

Вскоре после смерти отца в милицию угодил сын – участвовал в ограблении. Его судили и отправили в колонию.

Яков Петрович написал несколько писем в Америку родственникам Григория, мол, случилось такое горе, но никакого ответа от них не получил. Да и что, позвольте, могли ответить родственники из Америки? Чем помочь?

Урна с прахом долго стояла в шкафу, и Яков Петрович не знал, как ею распорядиться. Однажды ночью ему вдруг приснился Григорий. Посиневший, с всклокоченными волосами, спрашивал: «Ты почему, братуха, не хочешь со мной разговаривать?» Через несколько недель покойный снова явился во сне, опять просил поговорить с ним. Яков Петрович не был суеверен, но от этих визитов ему стало немножко не по себе.

Рассказал жене о своих снах. Добавил, что брат все же был несчастлив.

– Что ты все плачешься о нем? Алкоголик, загнал в гроб жену, оставил ребенка сиротой. Мало ты за ним ухаживал? Мало сидел в больницах? Сколько раз он тебя прогонял? Да ты ему никогда не был нужен. А теперь переживаешь.

Слова супруги, жестокие, но правдивые, неприятно резанули.

– Да, да. Но ведь все равно – брат.

– Вообще-то, если жалуется – значит, ему ТАМ плохо. Просит помощи, – сказала она.

– А почему просит меня?

– А кого же еще? Его же и ювелиры, и бизнесмены – все бросили. Ты один такой дурной остался.

После этого разговора он твердо решил урну с прахом брата захоронить. На кладбище в бюро справок узнал участок и место, где

похоронены родители Григория. Заказал металлическую табличку с гравировкой, на заводе сделали скобы. В один день сказал жене:

– Нужно бы на кладбище съездить, давно у тещи на могиле не были. Там еще одно дело есть...

3

Солнце подбиралось к зениту, когда они отыскивали сто шестой участок. Именно там, как сообщили в справочном, находится могила Яревских – родителей Григория.

Старый, запущенный участок зарос кустарником и бурьяном. Все говорило о том, что здесь давно никого не хоронят и ко многим могилам приходят очень редко.

– Постой здесь, а я поищу могилу, – сказал он жене.

– Я одна боюсь. Пошли искать вместе.

– Чего ты боишься? Тут же никого нет.

– Я боюсь.

Они блуждали среди могил, вглядываясь в фотографии и вчитываясь в надписи. Но могилу родителей Григория найти не могли.

– Яша, идем отсюда. Найдем в другой раз.

Но упрямый муж продолжал ходить вдоль рядов, продираясь сквозь колючий кустарник и крапиву, перешагивал через поваленные стволы деревьев и обломки плит.

– Отстань, – цедил он сквозь зубы, когда нытье жены становилось невыносимым.

И вдруг – гранитная плита. Две фотографии и надпись: «Михаил Аркадьевич Яревский. Анна Леопольдовна Яревская».

– Нашел!

Вдвоем молча постояли у могилы, поросшей бурьяном.

– Вот так, отец его пил, сгорел от водки. Теперь мы ему и сына принесли, тоже от водки погиб, – сказал Яков Петрович.

– И жену свою как тот погубил, так и этот, – добавила Лидия Адамовна.

Он выкопал возле ограды ямку, неглубокую, но достаточную для урны. Собрал камешки и насыпал их на дно ямки. Достал из сумки урну – черную, пластмассовую, с выплавленным на крышке ритуальным факелом. Весила урна около килограмма.

– А там действительно прах? – спросила полушепотом Лидия Адамовна. – Интересно, какой он?

Дома как-то раз, одолеваемый любопытством, Яков Петрович открыл плотную крышку урны и увидел там прах – похожий на пепельно-серый крупный песок. Но сейчас праздное любопытство жены его раздражало:

– Все тебе интересно. Обыкновенный прах, – проворчал он и принялся засыпать урну землей.

Засыпав, прижал маленький бугорок земли ладонью.

– Вот – все, что от человека осталось. Как будто и не жил никогда, – вздохнув, промолвила Лидия Адамовна.

– Н-да... – отозвался он.

Затем, отряхнув руки, достал из сумки табличку, скобы, инструменты.

– Яша, а у тебя получится? – осторожно спросила Лидия Адамовна, по горькому опыту зная, как редко мужу удавалась даже простенькая мастеровая работа.

– Отстань, – он и сам-то волновался.

Присев на корточки, стал прикреплять скобами металлическую табличку к ограде. Сопел, что-то бурча под нос. Наконец прикрепил, проверил, прочно ли держится.

– Порядок, – сказал довольный, еще сам не веря, что умудрился такое проделать. – Теперь – по-людски: мать, отец и сын лежат вместе. Да, надо было все-таки эту табличку сделать с фотографией...

Поставили в банку купленные цветы. По еврейской традиции положили на плиту по камешку. И пошли на противоположный конец кладбища.

– Надо бы Гришиному сыну в колонию посылку отправить. Продукты, может, вещи какие, – по дороге сказал Яков Петрович.

– У него есть родственники в Америке, пусть они и шлют ему посылки. Тебе что, больше всех нужно?

– Да тише, разошлась. Что тебе до них? У них – своя жизнь, у нас – своя. А парня жалко.

Лидия Адамовна хмыкнула. Не ожидала, что мужа так тронет судьба двоюродного брата и двоюродного племянника. Может, дело в том, что, оставшись без детей и внуков, они таким образом стараются спастись от одиночества, от холода подступившей старости? Или на склоне лет родственные чувства обостряются? Или же просто ее муж такой человек – равнодушный?

Вслух, однако, пробурчала:

– Богач нашелся.

Подошли к могиле, где покоилась мать Лидии Адамовны.

– Жаль, что сейчас рядом нет Светочки. Она бы посадила анютины глазки. Мама их так любила...

Пока были с ними рядом дети, эта могила имела более ухоженный вид. Дети любили свою бабушку. Уезжая в Америку, Света взяла с этой могилы горсть земли. Когда-то Света сажала здесь цветы, Вадик красил ограду и подстригал кусты. Но теперь вместо цветов безобразно раскинулся бурьян, а кусты слишком разрослись.

– Мама, вот мы и пришли. Если бы ты встала, посмотрела, какие у тебя хорошие внуки. Если бы ты встала... – запричитала Лидия Адамовна.

– Давай немного приберем, – произнес муж.

Взяв лопату, стал выкапывать бурьян. Лидия Адамовна попыталась подстричь садовыми ножницами куст морозника вдоль ограды, но стебли оказались слишком жесткими, не поддавались. Ее руки быстро устали. Вытерли памятник, поставили в банку цветы.

– Света так похожа на маму, одно лицо, – сказала Лидия Адамовна. – Мама, мама, скоро и мы к тебе придем... – снова запричитала она, но муж оборвал ее.

– Что ты спешишь? ТУДА всегда успеем. Нужно жить, понимаешь – жить!

В голубом небе тянулись длинные белые облака.

Вокруг – ни души. Возле могилы справа – место, поросшее травой. Супруги стояли, молча глядя то на могильный камень, то на свободное место рядом.

– Идем, – тихо промолвил он. – Идем...

Он хотел добавить «родная», но почему-то не смог. Взял жену под руку, и они неспешно тронулись в обратный путь. Бездомный пес, поскуливая, плелся за ними.

– Почему я не заказал его фотографию на табличке? А с фотографией было бы так хорошо, а-ах! – досадовал Яков Петрович.

Лидия Адамовна вздыхала – устала, болят ноги. Порою прищуривала близорукие глаза и, словно всматриваясь вдаль, говорила:

– Ничего, когда мы приедем к Светочке в Америку, я там все расскажу! Скажу Гришкиным родственникам, что они оставили своего умирающего брата, забыли про родного племянника. И только мой муж повел себя по-человечески. Я им, в Америке, еще устрою...